

Владимир А. КОСТЕНИЧ

Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь

Мировоззренческие смыслы и тематические траектории философского образования

Возникнув, как культурно-историческая потребность человеческого Разума в мировоззренческом обобщении различного рода духовных практик репрезентации бытия, философия задала человечеству принципиально новые горизонты «присутствия в Сущем»; оккупировала его пассионарной интенцией трансцендировать любую смысловую данность, к её (возможным) Абсолютным изначальностям. Озаботившись смыслополаганием «первичных инстанций бытия и мышления», философское сознание сформулировало множество нетривиальных интеллектуальных проектов их бытийного освоения. При этом **инвариантным лейтмотивом многообразных стратегий философствования всегда оказывался Человек, взывающий к пониманию собственных смысложизненных оснований в полифонии поступков, надежд и личностных миссий.**

Особенно драматично вопрос о социокультурном статусе философского знания был реактивирован в пафосе постмодернистских археологий наших мировоззренческих предпочтений. Категориальный словарь человеческого Разума и его рационалистические доминанты были подвергнуты систематической критике, в качестве самообольщений «воли к власти» со стороны «логоцентризма» европейской версии герменевтики бытия. При этом чрезвычайно важную роль в постмодернистской стратегии мышления играют мыслеобразы «концептуальных персонажей» и «симулякра».

«Концептуальные персонажи» символизируют собой топологическую многослойность «типов смысложизненных ориентаций» и коррелятивных им «техник и жанров» проговаривания «личностных философий жизненного мира». К числу знаковых концептуальных персонажей могут быть отнесены архетипические для философской ментальности Лики (и «личины») Бога, Героя, Философа, Художника, Праведника, Лидера, Путника, облечённых аурой авторитета Власти и(ли) Мудрости. Всем им присущ экстатический энтузиазм к «творческому усилию» по преобразованию и преображению налично данного; «порождающая грамматика»

ответственных инноваций в области смыслополагания Сущего; пафос перманентного «впервые начинания» собственного «Я» и ценностных измерений бытия перед лицом бездн несовершенства.

Постмодернизм нетривиально проиллюстрировал тот факт, что смыслонесущими медиаторами и способами сущностной артикуляции базовых миропредставлений выступают в человеческой культуре различные манифестации человеческого духа, начиная с *эмпирически верифицируемых понятий Рассудка*; через посредство *притчеобразных матриц «наведения на Смысл»* и вплоть до *жизтийных потрясений «автобиографий Поступка»*. **Не существует единственно истинного философского языка повествования о тайнах и таинствах Смысла. Необходимо учиться «говорить о бытии» в прагматике аутентичных человеческому духу «исповедальных форм» его существования.**

В свою очередь, «симулякр» представляет собой некий само-разрушительный «фальстарт человеческого духа», поддавшегося соблазну «псевдоактивности» в тиражировании таких самовоплощений, которые насыщают человеческое бытие «видимостями и призраками Истины». Исповедальность подменяется проповедническим морализаторством и высокомерием рассудочного менторства. Человеческая культура превращается в конгломерат «превращённых форм» ролевого поведения, общения и деятельности, а человек обрекает себя лишь «пародировать творчество», становится одержим «бесами» зависти, гордыни, корпоративной субъективности и идеологического заказа. **Творец вырождается в Имитатора.**

Как известно, вся многовековая история философии являет собой арену мировоззренческих столкновений различного рода «направлений мысли» и, стоящих за ними, «концептуальных персонажей», которые не поддаются однозначной номенклатурной идентификации в семантике стереотипных клише и антагонистических ярлыков. **Вселенная философского дискурса – это всегда вневременной диалог уникальных «культур разумения» и персонифицированных «событий Мысли», об антиномиях конечного и Бесконечного, части и целого, жизни и смерти, Истины и мнения, Вечного и сиюминутного, Прекрасного и безобразного, Праведности и фарисейства, Абсолютного и относительного.**

Интерпретировав человеческую культуру в целом и философские конструкции, в частности, как результат перекрёстного, «опыления» ценностными представлениями и артефактами человеческого духа, постмодернистская парадигма констатировала «возможность творческой Игры» с любыми понятийными и символическими содержаниями, а также правомочность расширенного воспроизводства бесконечного множества, альтернативных друг другу, интеллектуальных конфигураций «одного и того же».

В настоящее время система философского образования на постсоветском пространстве претерпевает серьёзную организационную и тематическую трансформацию. Беда, однако, в том, что реформирование гуманитарного блока осуществляется без основательного прогноза социальных последствий данного реформирования и самой идеологии деконструкции философского образования. Много разговоров о «Болонском процессе» и чрезвычайно мало подлинной озабоченности по поводу того, **как и каким оптимальным образом, исторически сохранить и творчески эксплицировать мировоззренческий потенциал «философского отношения к бытию» в дисциплинарном репертуаре вузовского образования.** Диалогический демократизм и духовную страстность философского Разума некритически отождествляют со спекулятивным снобизмом софистических манипуляций с языком и схоластикой диаматовских идеологов.

«Что же делать?» (с точки зрения стратегических импликаций философского образования) и **«как быть?»** (в ближайшей исторической перспективе). «Ответы», как представляется, содержатся в самой социокультурной ретроспективе эволюции экзистенциального опыта философствования.

К сожалению, нельзя не признать, что преподавание философии до сих пор подвержено ряду искажающих её культурный облик и мировоззренческую значимость догматических предпосылок. Считается само собой разумеющимся, что философию следует излагать как «систему понятийно фундированных знаний» о Мире, запомнив которые человек (с улицы) будет способен «найти своё место в мире». Де факто это сводится к коллекционированию имён, идей и тем, черпаемых, как правило, из истории философии. Философия мыслится как «территория философов» и «их» высказываний о бытии. Но, как известно, «многознание уму не научает».

Между тем, *специфика преподавания философии* состоит, на наш взгляд, в том, чтобы **«производить философствующих людей»** или, говоря иначе, личностей, **«расположенных мыслить о вечных проблемах»** (человеческого) бытия. Более того, **способных мыслить «предельно и погранично»**, ибо проблематика философии (и философствования) расположена на бытийных «границах единства разнородного». Искомым адресатом курса философии должен выступать **«философствующий человек»** (а не «философы» и «преподающие философию»). Человек, предрасположенный (или, если угодно, инициированный нашим преподаванием) к тому, чтобы **быть в состоянии МЫСЛИ(ть) об «изначальностях» бытия, одним из «событий» которого является сама его мысль как «событие бытия».**

Конечной же целью преподавания философии является, в этой связи, **тематическая реконструкция некоторых, «сбывшихся» в истории философии, «логик философствования» над предельными основаниями бытия, сознания и познания.** При этом внимание должно быть направлено, **во-первых**, на постижение того, каким образом философия оказывается не только особой «Мыслью о Море», но и «Мыслью в Море», и, **во-вторых**, на экспликацию сущностных размерностей философского знания и его **хрестоматийные «пограничные ситуации»** (человек и Мир; «миры» человеческого «Я», проблема «Другого» как «своего Иного»; мировоззренческие проекты философского обоснования «абсолютных первоначал» Сущего в западной и восточной культурах; моральная ипостась истин бытия, феномен иррационального и проблема плюрализма «рациональностей»; диалектика времени и Вечности, Абсолютного и относительного, человека и Бога, свободы, справедливости и равенства).

В этой связи, «история философии» должна быть инкорпорирована в учебный процесс, главным образом, в качестве герменевтического ресурса для компаративных сравнений разных «схем интерпретации» определённых вопрошаний человеческого духа, а сами «философы» должны предстать в качестве «концептуальных персонажей» Мыслителя, ведущего толерантный (очно-заочный) диалог с Иными и инаковыми системами мировоззренческих трактовок бытия.

Философствование, в данном контексте, означает духовную способность, опираясь на историю философии, как на историю сбывшихся «диалогов мысли», личностно накапливать intersubъективный опыт «инакомыслия мыслящих Иное и Иначе»

Далее. Аристотелевское определение философии, как науки о «Первых Началах Всего Сущего», или «Метафизики» всякого бытия, отсылает к фундаментальному отличию философского познания от всех других форм общественного сознания и социальных практик духовного освоения возможного и действительного. Выясняется, что **философствование начинается там и тогда, где и когда человеческий Разум «выходит за пределы частной точки зрения на бытие», исходно ограниченной профессиональной, идеологической, конфессиональной и иного рода «местечковыми» ментальными мотивациями.**

Тем не менее, «метауровень» философского ракурса постижения смыслов бытия, отнюдь не свидетельствует о спекулятивных претензиях на царственный трон в области человеческих умозрений. Речь идёт лишь о необходимости «продумывания предельных оснований и предпосылок» самой интеллектуальной «возможности» тех или иных «конструкций мысли», их институционально оформленных векторов бытийствования и футурологических сценариев саморазвития. **Философствование, в подобном измерении, это, обучение искусству погружать**

свою (предметно или дисциплинарно центрированную) мысль в «истоки её начал», параллельно испытывая разворачивающуюся панораму вызревающих смыслов и значений кантовским вопрошанием о том, «**как (оказываются) возможны?**» любые «**события Мысли**» (Истина, Человек, Добро, Красота, Справедливость, Наука, Искусство, Миф, Религия, Право и т.д.) в качестве смысловых объективаций человеческого духа?

Иначе говоря, «**метафизичность**» философского знания инициирует системное рассмотрение того или иного «**объекта познания**» в фокусе совмещения «**возможного, сущего и должного**». Более того, стараниями Декарта. Канта и их последователей, была обозначена методологическая обязательность «самокритики сомнением» и «способностью (рефлексивного) суждения» самых разных версий бытования человеческого Разума, вне зависимости от того, как он сам себя «авторски» именовал. Отсюда ведут свою интеллектуальную родословную «критики» Чистого, Практического, Исторического, Диалектического и иных векторов человеческого усмотрения бытия и собственных духовных предпосылок. «**Философствовать**», в таком случае, это учиться Мысли(ть) об Абсолютных Первоначалах смыслополагания, челочно перепроверяя свою мысль рефлексивным самовопрошанием «Я ли мыслю То, Что Я Мыслю» и «Исходя из Чего Я Нечто Мыслю, Когда я мыслю Тем или Иным образом?»

Следует также обозначить тематические приоритеты и «сюжетные априоры» курса философии и его модульных ответвлений. По нашему мнению, «дидактической матрицей» при построении содержательной архитектуры курса философии, можно было бы избрать, несколько скорректированную, гегелевскую модель «Энциклопедии философских наук».

Она хороша тем, что, во-первых, очерчивает основные концептуальные ракурсы рассмотрения мировоззренческой специфики самого философского сознания, как «**эпохи, схваченной в Мысли**». Правда, как мы уже ранее отмечали, следует согласиться с постмодернистской критикой «одномерности» рационалистического тоталитаризма и признать «**Мыслью**» не только ее «**понятийные**» облики, но и все те варианты «**осмысленности**», которые обладают самобытной духовной объёмностью и претендуют на «**метафизическую**» обобщённость.

Во-вторых, Гегель намечает известный перечень основных «тематических нарративов», которые являются обязательными ингредиентами философского Разума, его историческими самообнаружениями. К числу таковых Гегель относит «философию философии», «философию религии», «философию права», «философию искусства», «философию природы». По нашему мнению, следует дополнить этот перечень рассмотрением основополагающих «философем» мифологического мировоззрения; экзистен-

циальной аналитикой структур и архетипов бессознательного; философски фундированными *онтологиями* политического, научного и технического способов освоения бытия; деонтологией моральных событий; философией утопических и футурологических проектов; культурософией социально-исторических реконструкций человеческого бытия. При этом, разумеется, **необходимо сохранять «метафизический» угол зрения на сами данные «философии», избегая их редукции к предметному эзотеризму.**

Итак, философия, по своему культурно-историческому статусу, призвана рефлексивно погружаться в эпохальные коллизии нашего экзистенциального столкновения с «пограничными ситуациями» собственной Судьбы. Одновременно философское образование не должно упускать из виду и некоторые, весьма принципиальные для него, мировоззренческие сюжеты, латентное присутствие которых в структуре (любых) философских осмыслений мира, фактически, и придает ему характер человекоразмерности. Речь идет об архетипических (именно для философии) *мыслеобразах* «**границы**», «**полноты**» и «**пути**».

Феномен «границы» отсылает (философствующего) человека к осознанию того, что все сущее в Море (предметы, вещи, процессы, смыслы, ценности и значения) наделено бытийной суверенностью, качественной определённой, имеет свою «территорию и миссию». *Все сущее, одновременно и «ограничено» от всего остального и «ограничено» им и «граничит» со всем «Иным».* Именно граница выступает символом «онтологической дифференциации» Единого, репликой его бытийного «размножения во Многом», постмодернистским «*differense*»; одаривает метафорой «потусторонности», порождает ереси разномыслия и многие другие «скандалы в философии». Граница причудливо воплощает собой и некую «демаркационную линию» между различными бытийными образованиями, и в то же время «событие их Встречи». Граница не есть нечто «третье», существующее наряду с тем, что она же «совмещающе разводит». Граница иносказательно свидетельствует своей бытийной (езде)сущностью, что *всё в бытии* (а не только культура, как лишь отчасти верно утверждал М.Бахтин) существует «на границах» и потому так актуален «пограничный подход», исповедуемый философским сознанием. Объявляя неустранимой, фундаментальную для всякого философского размышления, «тему Иного», **феномен границы вызывает к критической демократии инакомыслия**, демонстрирует насущную потребность ценить «инаковость Иного» и стремиться к... полноте «неограниченности».

Стремиться же к полноте неограниченности, значит призна(ва)ть свою бытийную незавершённость; титанически оккупировать себя томлением по совершенству; повседневно контратаковать пропасти «смертности», «случайности», «несвободы» и «одиночества»... Вне гордыни, но не

без гордости догадываться о том, что «мир без нас не полон». Философская установка духовно-практически трансцендировать Сущее генетически укоренена в подобном бытийном (вы)зове, транслирует его упования полноты и усилия по её осуществлению.

Многоголосие философских ракурсов постижения бытия обусловлено тяготением к воссоединению всего того, что искусственно «отпало друг от друга», что придало «естественной о(т)граниченности», видимость абсолютной раздельности. Мировоззренческая глобальность философских исканий, есть лишь опосредованное выражение потребности в большей «полноте Смысла», в мужественно безостановочном «выходе за» горизонты окаменелостей «само собой разумеющегося». Понятие «Абсолюта», диалектика «Я» и Не-Я», ницшеанские покушения на «переоценку всех ценностей», религиозно-философские конструкции «всеединства» – всё это версии духовных противоядий от «неполноты» бытия и его многоликих не(до)разумений.

Наконец, метафоры «Пути» и «блудного сына» также весьма органичны для описания философствования, как «путешествий человеческого духа», через «События встреч с инаковостью Иного», в поисках «дома-пристанища» для собственного «Я».

Философствование, это своеобразная антроподицея человеческой сущности, свидетельствующей себе самой о «своих» бытийных масштабах и смысловых средоточиях. Сущности, отыскивающей себя в собственном «повседневном» существовании. Сущности становящейся и вечно кристаллизующейся, творящей, но не умирающей в собственных предметно-смысловых воплощениях. Сущности, лично ориентированной и противостоящей убаюкивающим симулякрам «неподлинного бытия». Сущности, эсхатологичной по своему смысловому напряжению, живущей в ценностной топографии «одиссей Поступка» и ответственного «присутствия в бытии». Философствование, это призыв к автобиографичному дозволению себе «феноменологической редукции» библейского вопрошания «Что есть истина?» в размерности богочеловеческого ответствования «Я есть Путь, Истина и Жизнь...».

Следовательно, «ищите и обряцете!», следовательно, «в Путь» по странностям границ (бытия и Смысла) и, таящихся в их порах распутиц сомнения; «в Путь» от «чтойных» Дао-Логосов вселенского бытия к человекомерным «чтойностям» экзистенциального Смысла.

Экзамен по философии должен, по-видимому, предполагать набор философских первоисточников и культурных «текстов» (*артефактов притчевого, поэтического, религиозного, моралистического, анекдотического и т.п. содержания*), сталкиваясь с которыми студент мог бы продемонстрировать способность не только «опознавать» философов и философские эпохи, но и «свершать акт порождения мысли»,

творческого продолжения и наращивания Смысла. В сознании философствующего человека прозрения философских авторитетов должны быть «распредмечены» через эмпирическое погружение в их «земные», и как бы «неимманентные» философии смысловые контексты. **Философствование предполагает не только и не столько «уточнение», сколько своеобразное «утончение» мысли, в пределе стремящейся к новому «взгляду» на вечное и преходящее. Философствовать – это значит быть готовым к абсолютно личностному «выбору» смысложизненных координат и «драматургий самобытности».**

«Всему своё время... Время разбрасывать камни и время собирать камни...». Мировоззренческая транзитивность этой библейской максимы не подвержена инфляции культурно-исторических эпох и ценностных ландшафтов. Человечеству не дано ампутировать из своего многовекового опыта «любовь-вражду» традиций и новаций, социальную диалектику отрицания и преемственности, нелинейную синергетику системных трансформаций и энтропийных катастроф важнейших Смыслов.

Как известно, «сон Разума рождает чудовищ...» Напоминание наше к тому, что именно «философское отношение к Миру» в его повседневном и профессионально ориентированном исполнении, изначально (мужественно и мудро) противостояло эпидемиям конъюнктурной сервильности и аннигиляциям Личности; сверхчеловеческой гордыне попраания институтов совести и справедливости; искушениям обывательского благополучия и узколобости корпоративно ангажированных «измов».

Не выплеснуть бы с водой и ребенка...

Summary

WORLDVIEW MEANINGS AND THEMATIC TRAJECTORIES OF PHILOSOPHICAL EDUCATION

The author of this article proceeds from the idea that philosophy initially searches for essential world's foundation and axiological conceptions of its arrangement. The Man, striving to understanding of his own life meaningful preferences, is a spiritual centre of all philosophical meditations. Philosophy appeals to reveal utter misconceptions of any claim to possess the ultimate truth.

The reformation of philosophical education shouldn't follow corporative bureaucracy tastes but the 'logic' of the history of Philosophy that has defined all the world view priorities of the philosophy mind. One should vary the structure of a course in Philosophy so that the practical works don't replicate the lectures but have problem- creative character.

Keywords: philosophical meditation, truth, worldview.